

*Королева
исторического
романа*

Книги Анастасии Тумановой
в серии «Королева исторического романа»

Полынь – сухие слёзы

Романы о сёстрах Грешневых:

Родовое проклятье
Дочери смуглой черкешенки
Дама полусвета

Цыганская сага:

Роковая красавица
Страсти таборных цыган
Люби меня, смуглянка!
Супруг неверный мой
Жена невенчанная
Княжна-цыганка
Цыганочка, ваш выход!

*Анастасия
Туманова*

Дочери смуглой
черкешенки

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 83

Художественное оформление серии *Сергея Власова*

*Ранее книга издавалась под названием
«Огонь любви, огонь разлуки»*

Туманова, Анастасия.

Т 83 Дочери смуглой черкешенки : роман / Анастасия Туманова. — Москва : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Королева исторического романа).

ISBN 978-5-699-72921-0

Давно умерли родители сестер Грешневых — мать-черкешенка и отец-генерал. Девушки привыкли к одиночеству, вечной тревоге друг за друга. Судьба неласкова к ним: Анна становится содержанкой, Катерина влюбляется в известного одесского вора Валета и начинает «работать» с ним, причем едва ли не превосходит своего подельника в мастерстве и виртуозности. И лишь Софье, кажется, хоть немного повезло. Она выходит на сцену, ее талант признан. Музыка — единственное, что у нее осталось. Неужели в ее жизни никогда не будет любви?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-72921-0

© Туманова А., 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

В окна поезда, несущегося по железной дороге к польской границе 14 апреля 1879 года, светило мягкое весеннее солнце. Золотистые пятна весело скакали по бархатной обивке сидений, играли в пятнашки на полу, скользили по сомкнутым ресницам спящей в углу купе первого класса девушки. Она была очень молодая, не старше восемнадцати лет. Ее темные выющиеся волосы, выбившись из прически, в беспорядке лежали на сиденье. Звали девушку Софьей Грешневой, и сон ей виделся тревожный. «Аня, что с Катей? — бормотала она, мечась по жесткой вагонной подушке. — Аня, где Сережа? Маша, скоро начинать, твой выход... Занавес, дайте занавес... Я уезжаю... Не трогайте же меня, животное...»

«Животное», сидящее напротив, с явным интересом слушало Софьино бормотание, изредка усмехаясь или покачивая черной курчавой головой. Это был Федор Мартемьянов, костромской купец-пароходник тридцати двух лет, о немереном состоянии которого ходили легенды от Ярославля до Астрахани.

Семья Мартемьяновых стала самой богатой в Костроме при отце Федора, Пантелее Кузьмиче. Говорили, что в молодости Пантелей Мартемьянов ходил на стругах по Волге вместе с ватагой лихих людей, грабивших пароходы, и именно грабежом нажил себе не-

малое состояние. Каким-то чудом он миновал Сибири, отколовшись от ватаги за месяц до того, как ее всю разом накрыли в кабаке на Казанской ярмарке. Люди втихую поговаривали, что именно Пантелей и сдал властям товарищей — с тем чтобы единолично воспользоваться ватажной казной. Так или иначе, он объявился в Костроме с огромными деньгами, купил дом, три парохода и начал свое дело. Когда пароходов стало семь, Мартемьянов женился и за три года родил трех сыновей, младшим из которых был Федор.

Федор до сих пор не мог без мороза по коже вспоминать об отце: огромном сильном человеке с корявым, всегда хмурым лицом, которое совсем уж портил длинный шрам, пересекавший его от брови до подбородка и прячущийся в черной жесткой бороде. Отец иногда по целым дням не говорил ни слова, но его вид неизменно внушал ужас и семье, и работникам: собственные приказчики боялись у него воровать, неслыханное для России дело. Рука у Пантелея Мартемьянова была тяжелой, что не однажды испытывали на себе и люди купца, и близкие. Его жена, в девичестве — первая костромская красавица, статная и зеленоглазая, боялась не только разговаривать с мужем, но даже лишний раз взглянуть на него, дети в присутствии отца предпочитали прятаться по углам. В доме царили страх и тишина. Жена самого богатого в городе человека носила ветхие, рассыпавшиеся на глазах, несколько раз перешитые платья, не смея попросить у мужа денег на обнову, а самому ему порадовать супругу нарядами и в голову не приходило. Вся прибыль шла в торговый оборот, даже отдавать сыновей в гимназию Мартемьянов-старший не стал, мотивируя это тем, что он хоть и не учился грамоте, тем не менее умудрился нажить хороший капитал. «Кассу посчитать

смогут — и ладно!» Сыновья молчали и учились грамоте у дьячка по псалтыри.

Федору было восемь лет, когда пьяный отец на его глазах начал дубасить мать поленом для растопки. Мать даже кричать не смела, стонала по-коровьи, тяжело, с закрытым ртом. Федор схватил со стола хлебный нож, кинулся на отца и успел довольно сильно расцарапать ему бок. После этого отец до полусмерти избил младшего сына вожжами. Две недели мальчишка провалялся один в каморе для прислуги: мать боялась входить к нему и только ночью, прокрадываясь на цыпочках, оставляла на столе еду и забирала отходное ведро. С этого времени Федор начал прямо обращаться в вечерней молитве к богу с просьбой о ниспослании скорейшей смерти тятеньке. К десяти годам мальчик убедился, что всевышний этим заниматься не намерен. В двенадцать начал подумывать о том, кто бы мог уходить тятеньку вместо бога. В шестнадцать сообразил, что кроме него, Федора, устроить это некому. А в восемнадцать, жарким душным летом, когда над городом висело желтое марево, он дождался отъезда старших братьев с товаром на ярмарку и поднялся в спальню родителей. Пьяный отец храпел, раскинувшись поперек огромной кровати, а мать, в очередной раз избитая в кровь, дрожала и всхлипывала на полу под образами.

— Что ты, Феденька? — одними губами спросила она, увидев лицо младшего сына, впервые в жизни вошедшего в спальню родителей.

— Выйдите, мамаша, — коротко сказал он. Но она не могла встать, и Федор, легко подняв мать на руки — легкую, как веточка, истаявшую от вечного страха, — вынес ее в сени. Спокойно вернулся назад, без колебания и суеты перевернул отца на спину,

бросил ему на лицо тяжелую перину и навалился всем телом сверху. Через минуту дело было кончено.

— Скончавшись папаша. Удар приключился, — сказал он матери, скорчившейся в углу сеней. — Попа зовите, да Ваньке с Афанасием отпишите в Астрахань. Жара стоит, хоронить скорее надо.

Мать слабо ахнула, схватилась за голову и лишилась чувств.

Федор был убежден в том, что никто не поверит в смерть родителя от удара, и готовился отправляться в Сибирь с чувством исполненной жизненной задачи, но, к его изумлению, все прошло без сучка-задоринки. Вечно похмельный слободской доктор подтвердил удар от прилива крови к голове, жара и в самом деле стояла страшная, и первого купца Костромы похоронили в дикой спешке, не дожидаясь ни съезда на поминки дальней родни, ни даже возвращения старших сыновей. Те, впрочем, не особенно расстроились и вернулись домой смертельно пьяные и счастливые: после долгих лет страха и унижения им в руки падали огромный отцовский капитал и вольная воля. Но пользоваться всем этим они смогли без малого месяц.

Федор до сих пор не понимал, из каких мухоморов кухарка Егоровна сварила ту проклятую грибную лапшу. Может, если б мать, как всегда, приглядывала за кухаркой, любившей выпить, все сложилось бы по-другому и в их семье, и в его жизни. Но мать, после смерти супруга не встававшая с постели и не сказавшая никому ни слова, больше не занималась хозяйством, и Егоровна царствовала на кухне единовластно.

— Тьфу, глушня старая... Мыша, что ль, в лапше сварила? — поморщился Федор после нескольких ложек, брезгливо отодвигая от себя миску. — Ей-богу,

никак невозможно такую пищу принимать... Вы-то как хлебаете, не пойму?!

— Вона, граф какой выискался! — расхохотались братья, которые с утра рыбачили на Волге, притащили четырех осетров в полтора аршина каждый и с голодухи уже умяли по две миски. — Посиди с рассвета до полудня в кустах с бреднем — и тебе за счастье покажется! Хлебай давай да спускайся в контору, счета по «Святой Ефимии» проверить надобно!

— Воля ваша, не могу. — Федор встал из-за стола, вопросительно взглянув на старшего, Афанасия, бывшего теперь главой дома. Тот величественно кивнул — ступай, мол, бестолочь, — и Федор, не доев, ушел к себе.

Через полчаса у него дико скрутило живот. Некоторое время Федор терпел, валяясь на кровати и сдавленно хрипя сквозь зубы, но с каждой минутой ему было хуже и хуже. Когда же стало совсем невмочь, он кое-как дотянулся до кринки с молоком, стоящей на столе, сделал несколько глотков — и его тут же вывернуло на пол. Превозмогая страшную боль в животе и головокружение, Федор снова выпил молока — и опять оно вылетело из него. Он пил и пил — через силу, корчась от дикой боли, понимая, что бесполезно, что все равно помрет, что надо бы позвать попа и хоть перед смертью покаяться в грехе с папашей... хотя что же каяться в том, от чего никому плохо не стало... Но, слава богу, до попа и покаяния дело не дошло. Молоко в кринке кончилось, живот немного отпустило — и Федор, не посмотрев даже, во что превратился пол горницы, повалился вниз лицом на кровать и заснул — как провалился.

Он очнулся лишь утром от дикого воя матери, раздававшегося с первого этажа. Федор поднял тяжелую,

словно чугунную голову с подушки, ужаснулся густой вони, наполнявшей горницу (следы вчерашних извержений его желудка за ночь никуда не делись), кое-как поднялся, ударом кулака распахнул ставни и, шатаясь, пошел вниз — узнать, что еще стряслось.

В доме уже суетился народ: бегали сразу два доктора — для богатых и попроще, из слободы, попов было человек пять, мельтешили какие-то старухи в черном, голосила дурниной пьяная Егоровна; мать, белая и страшная, с распущенными седыми космами, в разодранной рубахе, каталась по полу и беспрерывно выла. Оба брата Мартемьяновы умерли ночью, отравившись грибами.

Услышав робкое: «Федор Пантелеич, как распорядиться похоронами прикажете?» — Федор не сразу понял, что это обращаются к нему. С трудом сбросив с себя тяжелое оцепенение, он поднял еще гудящую голову и увидел, что все в горнице, кроме распластавшейся на полу матери, смотрят на него и чего-то ждут. Он с удивлением переводил глаза с одного лица на другое до тех пор, пока в ответ на его взгляд старший приказчик, старый верный Андронич, не поклонился до земли, как кланялся лишь отцу. Только тогда Федор понял, что является теперь главой дома и хозяином всех мартемьяновских богатств. «Не было у бабы забот — купила баба поросся...» — ошеломленно подумал он. Перевел дух и начал распоряджаться.

Ночью, когда Федор, смертельно устав от навалившихся хлопот, приготовлений к похоронам и бесконечных разговоров с приказчиками, подрядчиками, попами и докторами, сидел на постели и мучительно соображал: снять ли сапоги или же, не мучаясь, завалиться прямо в них, — за дверью чуть слышно поскреблись. «Кто там трется?» — удивился он. Наступила тишина,

и Федор уже решил было, что это шляется кот, когда дверь приоткрылась, и в горницу, мелко переступая, вошла мать. С Федора мгновенно слетела дрема.

— Мамаша?! Вы пошто здесь?

Морщинистое, старое лицо матери, освещенное снизу дрожащей свечой, напугало его. А когда мать приблизилась вплотную и взглянула запавшими, блекло-зелеными глазами в его глаза, у Федора по спине пробежала дрожь.

— Да что с вами, мамаша?

— Феденька... — прошелестела она, хватая его руку своей сухой лапкой и тряся головой. — Феденька, скажи мне... Зачем ты братьев-то?.. Ведь кровь родная... И не забижали они тебя никогда... Ить Афанасий и тебя бы до денег допустил, не изверг же был вроде тятеньки... Зачем же, Феденька?

Несколько мгновений он ничего не понимал и сидел пень пнем, не в силах отвести взгляд от глаз матери. А потом вдруг горло сжала такая судорога, что он не только что-то ответить ей, но даже вздохнуть не смог. Так и вышел из горницы — молча, неловко оторвав от рукава слабые пальцы матери. С лестницы Федор услышал, как она мешком повалилась на пол и зарыдала, но возвращаться не стал.

До утра он проходил по высокому берегу над Волгой, слушая, как сильно плещутся в невидимой черной воде осетры, как ухаёт сыч в камышах, как кто-то пронзительно воет на том берегу, в степи, как гудят громады пароходов, перекатывавшихся через быстрину. Смотрел, как дрожат над обрывом низкие синие звезды, как закатывается молодой месяц; тянул носом сырой воздух, растирал в ладонях горькие шишечки полыни. Когда с востока поднялся розоватый свет и посветлела, став серебристой, широкая гладь реки, Федор почувствовал,

что грудь отпустило. Чтобы убедиться, он несколько раз глубоко вздохнул, понял, что да, в самом деле, и дышит, и живет. Сорвав мокрый и тяжелый от росы лопух, Федор протер им лицо и пошел домой.

Матери он больше не сказал ни слова. Даже тогда, когда она осенью пришла проситься на постриг в монастырь, Федор лишь кивнул и придвинул к себе расходную книгу, прикидывая, сколько должен будет отдать денег в обитель. И когда полгода спустя получил письмо от игуменьи, уведомлявшее, что инокиня Илария, в миру Евдокия Евлампиевна Мартемьянова, лишилась рассудка и скончалась, он не поехал на ее похороны. Теперь из всей семьи Мартемьяновых остался только Федор.

В городе ходили слухи один другого страшнее. При встрече с Федором Мартемьяновым люди вздрагивали и отводили глаза, торопясь юркнуть в ближайший переулок, а те, кто не успел убежать, низко, в пояс, кланялись. Слухов Федор не опровергал, справедливо полагая, что если уж родная мать посчитала его убийцей братьев, то чего же ждать от чужих, но внутри постоянно чувствовал давящее тяжкое бешенство. Федор терпеливо ждал, что это пройдет само, но — не проходило. Когда же ему начало думаться, что скоро он в самом деле кого-нибудь убьет, Федор, забрав с собой ватагу приказных помоложе и поотчаяннее и бросив дела на Андронича, отправился с пароходом «Апостол Павел» прочь из города на рыбные промыслы.

Домой Федор Мартемьянов вернулся лишь несколько лет спустя: повзрослевший, сильно раздавшийся в плечах, загоревший и прокоптившийся до черноты, страшно напоминавший своего папашу-ватажника в молодости. Костромичи только крестились, глядя на то, как владелец миллионного состояния,

грязный и черный, словно последний бурлак, идет по сходам в цепочке грузчиков, разгружая с парохода кули с солью, рыбой и пушниной. Федор и не замечал, что в коммерческих делах твердо придерживается политики отца: всем заниматься собственноручно, никому не доверять, в долг не давать, самому не брать тем более, воров не отправлять в участок, а казнить лично. В городе его по-прежнему боялись, но Мартемьянова уже не беспокоило это, напротив, теперь он считал, что людские страхи ему лишь на руку, и не так уж ошибался. Мало кто решился бы повести с ним нечестные дела, а уж воровать у Мартемьянова осмелился бы только умалишенный. О тех годах, которые он провел вдали от родного города, ходили самые невероятные разговоры: что Федор ходил в бечеве с бурлаками, охотился на пушного зверя, в степях скупал лошадей у калмыков, сплавливал лес вниз по Волге и воровал лошадей в племенных табунах. Слыша эти сплетни, Мартемьянов только усмехался в свою цыганскую бороду и смотрел на говорящего черными, без блеска глазами так, что у того язык примерзал к зубам. Но лошади у Федора в самом деле были лучшими в городе. Мартемьянов их любил, знал в них толк и регулярно обновлял свой табун, на зависть всем окрестным конокрадам. Жил он один, держа лишь любовницу-актрису, да и то лишь для того, чтобы не озадачивать коммерческих партнеров, и, услышав как-то осторожный совет старика Андроныча завести себе «почтенную супругу», искренне удивился: «Зачем?!» Заслуженный приказчик не нашелся что ответить, а от взгляда молодого хозяина с ним чуть не случился сердечный приступ, хотя у Федора и в мыслях не было пугать старика. Больше к вопросу о хозяйской женитьбе Андроныч не возвращался.

Ведя обычную жизнь торгового человека, Мартемьянов ходил и в трактиры, и в публичные дома, и к цыганам, прекрасно играл в вист и баккара, помня наперечет, какая карта вышла и какая осталась, захаживал даже в театр, искренне пытаясь найти во всем этом хоть какое-то удовольствие, но — тщетно. По-настоящему хорошо он чувствовал себя только в одиночестве или в обществе своих лошадей и годам к тридцати перестал раздумывать, почему так получается. Богу виднее.

Сейчас, поглядывая на веселые пейзажи, пробегающие за окном вагона, Мартемьянов вспоминал, как год назад со своими людьми возвращался через Юхнов с Макарьевской ярмарки. В маленькой деревеньке Грешневке они остановились, чтобы перековать лошадей. А вечером, в грязном деревенском кабаке, выпивая с местным помещиком Сергеем Грешневым, который оказался беднее своих бывших крестьян, Мартемьянов и увидел Софью.

Федор к тому времени уже много выпил, но хмель, чудилось, напрочь вылетел из головы, когда, хлопнув тяжелой дверью, в кабак вихрем ворвалась девчонка — вся мокрая от дождя, испуганная и злая, с растрепанными каштановыми кудрями, с полными слез глазами. О том, что это — сестра Сергея Грешнева, что она прибежала, чтобы увести брата из кабака, где он пропивал последние вещи из дома, Мартемьянов узнал позднее. А тогда просто сидел колодой и смотрел на зеленые погибельные глаза, на смуглое сердитое лицо, на тоненькую фигурку в потрепанном платье, на босые грязные ноги, которые девушка тщетно пыталась спрятать под подолом... Что-то Федор тогда, кажется, говорил ей, что — не вспомнить, хоть убей — пьян был... Почему в руках Софьи оказалась

гитара, для чего девушка взялась петь, когда слезы уже бежали по ее щекам, кто попросил ее об этом?.. Она запела «Что ты жадно глядишь на дорогу», и при первых же звуках нежного голоса у Мартемьянова мороз прошел по спине. В упор глядя на зеленоглазую барышню-оборванку, он чувствовал, как делается холодно в груди, как останавливается сердце, не мог отвернуться от смуглого, тонкого, заплаканного лица и со страхом понимал, что ничего подобного с ним не случалось никогда, и откуда ему знать, что теперь с этим делать?..

И все же он был сильно пьян. Иначе, конечно, не пошел бы медведем прямо к Софье, опрокидывая по пути табуреты и скамьи, не сгреб бы ее в охапку, не стал бы, не слушая ее испуганных криков, уговаривать ехать с ним — немедленно, сей же час, сию минуту, куда она пожелает, хоть в Москву, хоть в Париж... Девушка вырвалась, бросив ему в лицо, что он хам и пьяный мужик, и убежала. Мартемьянов не обиделся ничуть, поскольку никогда на правду не обижался, но про себя уже решил, что красивая босоногая дворяночка будет с ним, во что бы это ему ни обошлось.

Поговорив полчаса с пьяным в стельку братом Софьи, который даже не сделал попытки помочь сестре и после ее бегства так и остался сидеть за столом перед полупустым штофом водки, Федор понял, что все устроится очень легко. Грешневы были невероятно бедны. Их родовое имение, когда-то богатая и блестящая усадьба, пришло после смерти родителей в полный упадок. Темной и мрачной была история генерала Николая Грешнева, отца Софьи, и его невенчанной жены, черкешенки, привезенной офицером с Крымской войны. Фатима безмолвной тенью прожила в родовом имении генерала двенадцать лет, родила ему